

Роман Валерьевич
ЗЛОТНИКОВ

ЗЕМЛЯНИН 4 в 1

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложке — *Дубовик А. Е.*

Серийное оформление — *Владислав Воронин*

Злотников, Роман Валерьевич.

368 Землянин 4 в 1 : [фантастические романы] / Роман Злотников. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 752 с.

ISBN 978-5-17-160671-8

Издание включает четыре произведения Романа Злотникова: «Землянин», «Шаг к звездам», «На службе Великого Дома» и «Русские не сдаются».

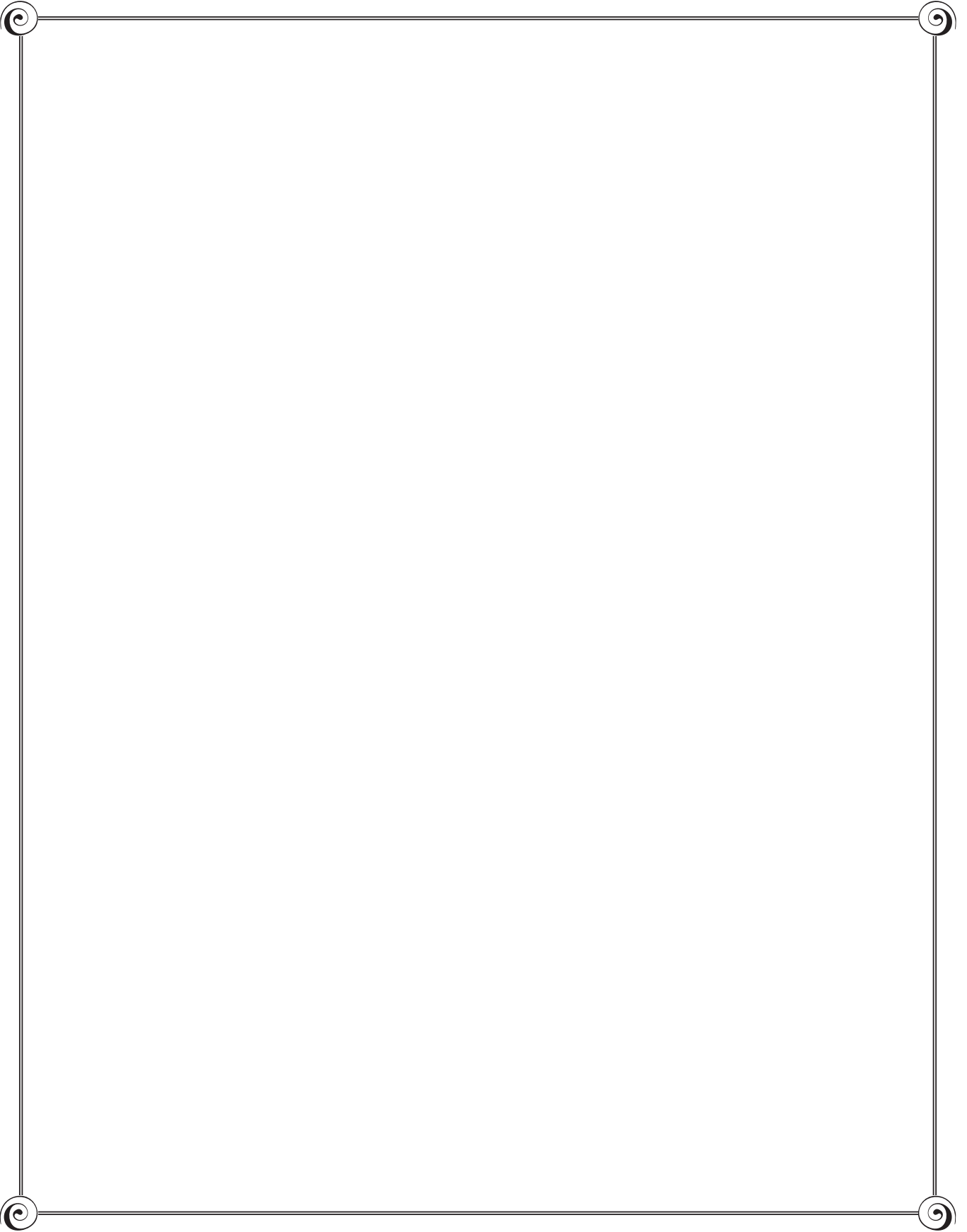
Чужой и недружелюбный мир, совершенно непривычная реальность, без друзей, оружия, денег — вводная для нового этапа жизни Ника, самого обычного парня, нашего современника. Отныне его главной задачей станет поиск пути на родную планету. Вот только от зловонного нутра Трущоб, куда судьба забросила Ника, слишком далеко до сверкающих ледяным холодом глубин Дальнего Космоса...

Впрочем, если ради выживания ты готов на многое из того, о чем раньше не мог и помыслить, есть шанс, что всё получится. Однажды судьбе надоеет наносить удары, главное — не сдаваться!

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЗЕМЛЯНИН

Часть I

ПУТЬ НАВЕРХ

ГЛАВА 1

Палера ждал его у конуры, сидя на корточках и механически двигая челюстями. Когда Ник появился в поле зрения сигарца, челюсти Палеры сделали особенно резкое движение, а глаза, еще мгновение назад тупо глядящие в одну точку, слегка развернулись и сфокусировались на нем. После чего последовал смачный плевок, освободивший пасть Палеры от почти потерявшего изначальный ярко-розовый цвет комка «брера»*, и его губы раздвинулись в гримасе, которую сам Палера, вероятно, считал доброй улыбкой. Похоже, прежде чем «уплыть» под влиянием «брера», сигарец установил в настройках наносети дежурный идентификатор на Ника, и тот подал сигнал, едва только землянин появился в поле зрения остеклевенных гляделок Палеры.

— Оха, белый! Каиз нашел новую цыпочку. У нее почти такая же светлая кожа, как и у тебя, и она только что «продалась». Будешь сниматься?

Ник молча проследовал мимо Палеры, волоча на спине мешок с добычей. Палера так же молча проводил его взгля-

* Местный легкий наркотик наподобие бегеля.

дом и, сунув руку в нагрудный карман, извлек оттуда кулек с «брерой». За прошедший год Ник успел всех приучить к тому, что лапать его за плечо или как-то еще настаивать на немедленных действиях, расходящихся с его собственными планами, — себе дороже. Так что сигарец, пошуршав дешевым пластиком, вытащил новый розовый комок и отправил его в рот. Он сообщил информацию, для передачи которой его послали, и теперь до получения ответа можно было спокойно «зависнуть».

Войдя в каморку, Ник скинул на пол мешок с добычей и неторопливо разделся. Засунув комок с одеждой в бак ультразвукового очистителя, он протянул руку вверх, выдернул из хлипкого косяка двери гвоздь и отработанным движением воткнул его между контактами, торчащими из внутренностей очистителя. И тут же привычно коротко всхрапнул, когда его слегка тряхнуло током. Но шум от заработавшего очистителя заглушил этот и так еле слышный звук. Очиститель был старый, найденный на свалке и восстановленный стариком Гамом с использованием невесть каких деталей. Поэтому он работал плохо, долго и шумно. Впрочем,

все эти недостатки напрочь перекрывались его самым главным достоинством: он работал. Ник подобрал мешок и, как и был, голый, прошлепал босиком через всю конуру к раковине. Раковина была большая, с парой моек, и занимала почти треть площади конуры. В оставшейся части много места занимал большой железный шкаф, намертво прикрученный к стене, и так же намертво прибитый к стене брус точильного камня. В шкафу Ник хранил все, что представляло хоть какую-то ценность, а камень... камень по местным меркам тоже был ценностью. Небольшой, но ценностью. Он был длинный, поэтому в железный шкаф не влезал. Так что не озаботься Ник прибить его к стене, при первой же его отлучке из конуры местное шакалье точно приделало бы камню ноги. А так... Тот, кто мог бы его украсть, никогда бы не стал этого делать открыто, оторвать же настолько хорошо прибитый здоровенный брус точильного камня тихо и незаметно ни у кого не получится. Это только с виду кажется, что обитатели Трущоб сидят глубоко в своих норах и носа наружу не кажут. На самом деле в каких бы самых безлюдных местах Трущоб ты ни находился, поблизости всегда найдется пара-другая внимательных глаз, обладатели которых не преминут чуть позже слить информацию о том, что они увидели, тому, кто готов за это заплатить. Хоть что-нибудь — от куска выделанной крысиной шкуры, который можно пустить на заплатку, до... да до чего угодно. Может быть, даже до кругленькой суммы в лутах. Хотя деньгами в Трущобах пользовались очень редко. Открытие счета стоит десять лутов, а потом следует выкладывать по три лута в месяц за поддержание аккаун-

та. Большие деньги для тех, для кого «настричь» двадцатку в неделю — хороший доход. Ну, если бы им пришлось в голову переводить свой доход в деньги, разумеется. В Трущобах царствовал бартер, как это называлось на родине Ника. Здесь это не называлось никак...

Ник вывалил добычу из мешка в раковину, открыл воду и прямо под струей сполоснул мешок. После чего скатал его в комок и положил в сторону. Когда освободится очиститель — мешок пойдет туда. А сейчас у Ника были другие заботы. Он снял с шеи леску, на которой был подвешен ключ от железного шкафа, и, протянув руку, открыл его. В конуре все было близко — протяни руку и достанешь. Выудив с верхней полки четыре крюка, он быстрыми движениями развесил их на проходившей под низким потолком водопроводной трубе, в которой уже лет сорок не было никакой воды, а затем еще одним движением выудил из шкафа одну из своих самых больших ценностей. Разделочный нож.

Дальше все было привычно. Одним движением подвешиваем тушку крысы на крюк, затем несколько движений ножом, и шкурка слезает с тушки чулком. После чего шкурка падает в раковину, а на соседний крюк вздевается следующая тушка. Крыс он сегодня добыл почти десяток, так что, когда последний крюк был занят, Ник столь же привычным движением выдернул с боковой полки железного шкафа кривую, мятую алюминиевую кастрюлю, родом все из того же источника немислимых благ и невероятных технических достижений, то есть свалки, и бросил туда одну из ободранных тушек. Следующая из неободранных тут же заняла ее место.

Покончив с разделкой добычи, Ник вытащил одежду из закончившего работу очистителя и, выудив из железного шкафа согнутую из проволоки вешалку, аккуратно повесил ее. Запихнув в очиститель опустевший мешок, он снова запустил грохочущий агрегат и вернулся к добыче.

К тому моменту, когда очиститель справился с мешком, Ник успел разделить тушки и собрать крысиные кости, пленки, сухожилия и остальные отходы в треснутую керамическую миску. Взяв ее, он высунул голову наружу и негромко позвал:

— Тетушка Глио...

Спустя мгновение из соседней конуры высунулась голова, увенчанная торчащими в разные стороны седыми патлами.

— Вот, возьмите.

— Спасибо тебе, Ник, — с жадным придыханием произнесла голова, после чего из дверного проема буквально выстрелили две тощие голые руки, вцепившиеся в миску. — Да благослови тебя Фифра, ты так добр к нам...

Ник с каменным лицом выпустил из рук миску и снова нырнул к себе в конуру. Он ни на секунду не обольщался и не сомневался, что едва только тетушка Глио исчезла в своей конуре, как тут же принялась шепотом ругать его на чем свет стоит и обзывать жадным клухом, забравшим себе все мясо, а ей с бедными сиротками бросившим кости и требуху, как будто крысам. Сироток у тетушки Глио было четверо. И все — непонятно от кого. Причем, судя по тому, что Глио с огромным желанием в глазах бросалась на любое существо мужского пола, появляющееся в окрестностях их конур, она бы не отказалась и от пятого. На посто-

янных обитателей окрестных конур ей рассчитывать было нечего, здесь ее знали как облупленную. Впрочем, здесь всех знали как облупленных...

Когда-то давно, когда Ник еще был новичком в Трущобах, он пытался делиться с людьми, которые, как ему казалось, заслуживали жалости и помощи. Но довольно быстро понял, что все, чему его учили родители, книги, школа и так далее, здесь является полной чужью. Здесь жили каждый за себя, и человек, которого ты вчера накормил, мог сегодня тебя обокрасть. Или убить. Нет, не так просто, а чтобы завладеть чем-то ценным. Например, ножом. Или крепкими башмаками. Или тем же точильным бруском. Как говорится: ничего личного — только бизнес. Здесь, в Трущобах, доброта и честность вообще не котировались. Более того, они служили отличной приманкой, ибо человека, знающего такие слова и придающего им хоть какое-то значение, можно было легко развести. Выцганить у него что-то полезное, например еду, или выставить в качестве приманки и бойца первой линии во время охоты на крыс. Так что добренькие, ау-у, где вы? Вас в Трущобах всегда ждут с распростертыми объятиями...

Вернувшись к раковине, Ник тщательно промыл куски мяса, а затем выудил из железного шкафа несколько купленных «наверху» капсул с приправами. Быстро сделав маринад, он покидал в кастрюлю куски мяса и задвинул ее на нижнюю полку железного шкафа. Крысиное мясо было довольно жестким, поэтому ему предстояло мариноваться несколько часов в очень крепком растворе. Зато потом оно получалось таким мягким и нежным, что просто таяло во рту.

Восхитительный вкус! Если ты, конечно, не подозреваешь о его источнике... Нику же пора было переходить к обработке шкурок.

Со шкурками он закончил через час. Развесив их сушиться, вытащил из железного шкафа еще одну кастрюлю и, удивив из нее шесть размягчавшихся шкурок, бросил их в раковину. Вымыв кастрюлю, снова наполнил ее водой и скинул в нее те шкурки из сушилки, которые уже достаточно подсохли. Теперь им предстояло хорошенько отмокнуть. После чего задвинул кастрюлю на место. Пришло время заняться теми шкурками, которые он достал из кастрюли...

* * *

Все началось с того, что он попал «под экспрес». То, что он попал, стало ясно сразу, как только он выскочил из «инсты». Экран просто зарябило от желтых рамок. Коля даже не успел ничего предпринять, как оказался на родной станции в новом клоне. Импланты почти на миллион ISKов ушли псу под хвост. Коля скинул в корп-чат инфу: «На инсте — ганга гуннов. Не отварпился. Под экспрес:-(», после чего уныло потер покрасневшие глаза и решил выйти из игры. В девять экзамен, а сейчас уже четыре. Надо хоть чуток поспать. Он бросил взгляд на лист распечатки, закрепленный над монитором, на котором было разными шрифтами написано:

«Тебе плохо? Гакнули в джете? Спил ковра? Нет капы? Тебя сфокусили? Заджаммили? Траффик-контроль? Попал в кемп? Обматерили в тимспике? Мало скиллов? Надоело таклить? Не хватает топлива? Кончились батарейки? Умер

*в лагах? Логофнулся в аггро? Поднули без клона? У тебя короче? За*бало фармить? Забыл пробки? 700 локал? Баланса нет? Не хватает днс? Проблемы в реале? Сбили дронов? Уснул в плексе? Логинтрап? Не расстраивайся, просто ты играешь в “EVE ONLINE”».*

Поначалу этот плакат казался прикольным, но сейчас Коля просто устало мазанул по нему взглядом и, широко зевая, побрел в туалет. Перед тем как падать, надо было отлить. Он вылакал за вечер и ночь банок девять-десять пива (утром посчитаю), и последние два часа оно активно просилось наружу...

* * *

Утро выдалось тяжким. Очень. Мобильник был поставлен на шесть повторов и на нарастание громкости звонка на каждом последующем. Если бы не это, Коля вряд ли бы проснулся. А так, уже на четвертом звонке продолжать спать оказалось совершенно невозможно. Пока он, кривясь и морщась, пытался дрожащими пальцами снять блокировку и отключить этот долбаный мобильник на хрен — в очередной раз напомнил о себе мочевой пузырь. По возвращении же из туалета вроде как включилась голова, так что непреодолимое желание рухнуть и спать дальше после взгляда на часы удалось задавить. К началу экзамена он уже безнадежно опоздал, но на сам экзамен успеть еще было возможно. Коля наскоро выпил кофе с бутербродами, почистил зубы, чтобы избавиться от «бодрящего» пивного фона, и выскочил из квартиры.

Неприятности начались сразу же. Во-первых, не работал лифт. Когда он,

слегка запыхавшись (слегка, поскольку бежал вниз, хоть и с седьмого этажа), выскочил на улицу, то сразу же полетел кубарем, поскользнувшись на неизвестно откуда взявшемся перед самым подъездом льду. Ну не было ж вчера его... Пребольно саданувшись локтем, Коля на карачках дополз до края накатанного ледяного пятна (ой, похоже, много народу сегодня с утра навернулось!), после чего, опершись на невысокий заборчик, попытался подняться и... (ну если уж не везет, так во всем!) резанул руку о какую-то торчащую из заборчика железяку.

— Твою же ма-ать! — обессиленно взвыл он в пространство. — Ну что ж за утро подлянок такое?..

Коля всхлипнул от обиды и, так и оставшись сидеть, сунул рассаженный палец в рот. И это было последнее, что он помнил о доме...

* * *

Покончив с очисткой отмякших шкурок, Ник вытащил снизу железного шкафа герметично закрывающийся контейнер и, ухватив уже с верхней полки пару затычек, сделанных из желтоватой начинки выкинутого на свалку фильтра, привычно засунул их себе в ноздри. И только затем открыл контейнер.

Снаружи послышался кашель. Ну да, сейчас по округе разнеслась такая вонь, что у непривычного к этому Палеры, похоже, дыхание перехватило. Но Ника это совершенно не волновало. Вывалив из контейнера в раковину жутко воняющую массу, он сполоснул его под струей воды, после чего как был, голый, вышел из конуры и завернул за угол. За углом стоял ящик, наполненный сухим крысиным дерьмом. В обязанности «сироток» Глио

входило, чтобы этот ящик не пустовал, равно как и большой двухсотлитровый бак для воды, установленный на крыше конуры Ника. Именно за это он и отдавал им крысиные кости, ребраху и остальное. Кроме шкурок, жира и мяса. Шкурки, жир и мясо нужны были ему самому.

Загрузив в контейнер достаточную порцию содержимого ящика, Ник вернулся в конуру и поставил контейнер под кран. Крысиное дерьмо, смешанное с обычной солью, оказалось великолепным дубильным раствором для крысиных шкурок. Вот только сырое оно жутко воняло. Настолько, что напрочь забивало даже ту вонь, которая постоянно царилась здесь, в Трущобах. И сейчас Нику как раз и предстояло его намочить.

Закончив с приготовлением раствора, Ник осторожно погрузил в него обработанные после вымачивания шкурки и завернул крышку. Но вытаскивать затычки из носа было еще рано. Пока запах развеется, пройдет не менее часа. Тем более что шкурки, вытасченные из контейнера, были пока не промыты и не обработаны и поэтому также продолжали служить источником вони...

* * *

Очнулся он резко, сразу. Вроде как еще мгновение назад сидел на льду и снегу, посасывая ранку на пальце... и вот уже зашелся в кашле от невообразимой вони, ударившей по ноздрям.

Черт, как же здесь воняет!

Коля с трудом остановил кашель, продолжавший рваться из горла, и, опершись руками о землю, попытался перевернуться на спину. Это удалось не с первого раза, потому что руки сильно дрожали, да и сил было как-то... маловато.

Как будто с большого бодуна или после тяжелой и продолжительной болезни. Причем болезнь, похоже, была более вероятной, потому что других признаков похмелья не наблюдалось. Но, как бы там ни было, на спину перевернуться удалось, и Николай, все еще с трудом сдерживая очередной приступ кашля, посмотрел в... небо? Ага, щаз! То, на что уставились его глаза, было чем угодно, но только не небом. Да что, черт возьми, происходит?! Коля несколько мгновений пялился на странную картину, раскинувшуюся перед его глазами и чем-то напоминавшую ту, которую, вероятно, видят космонавты, пролетающие над ночной Землей, а затем повернул голову и посмотрел направо. Ни то, что он увидел вверху, ни то, что открылось его глазам сбоку, не давало ответа на самый главный вопрос, который сейчас стоял перед ним: где это я?

Сесть Николай попытался только минут через десять, когда понял, что все, что доступно для обозрения из позиции «лежа на спине», ни на йоту не приближает его к так требующемуся сейчас ответу. Поэтому его желание хотя бы немного увеличить угол зрения выглядело вполне логичным. Сесть оказалось не так-то и легко, потому что, как выяснилось, слабость никуда не делась. Однако русские, как известно, способны справиться с любыми трудностями, была бы цель. Тут она была, поэтому Коля в конце концов сел. Вот только особенной пользы от этого не появилось. После краткого изучения окружающего пространства не только не появилось внятного ответа, но и вопросов заметно прибавилось. Куда делся снег? Где его одежда? И ботинки? Что за хрень нависает

над головой? И как он попал на эту свалку? Николай попытался вздохнуть, но получился не вздох, а какой-то испуганный всхлип. И в этот момент откуда-то из-за неясно видимых в царящем вокруг сумраке то ли строений, то развалин послышался хриплый голос, который произнес с вопросительной интонацией:

— Эке суевар кхунз?..

* * *

Со шкурками Ник окончательно закончил, когда уже совсем стемнело. Для этого пришлось достать из шкафа и включить налобный фонарик. Он, как и большинство вещей в Трущобах, также был найден на свалке и, прежде чем попасть к Нику, прошел через множество рук, поэтому его накопитель был почти нерабочим. Заряда, который он успевал накопить за пару дней, хватало всего на час-полтора, в то время как в начале своей жизни фонарик мог работать непрерывно месяцами, а то и годами. Впрочем, Ник не настолько хорошо разбирался в характеристиках новых бытовых устройств, зато, как и большинство обитателей Трущоб, довольно неплохо разбирался в особенностях тех, что были выброшены своими хозяевами... Но на работу со шкурками запаса накопителя обычно хватало, и это было хорошо. Потому что у Ника все было отработано, и малейший сбой мог бы полностью нарушить весь его налаженный конвейер. Да, это был настоящий конвейер, потому что весь процесс обработки крысиных шкурок занимал девять дней. В конце этого процесса у Ника в руках оказывалась тонкая кожа весьма приличной выделки, из которой можно было уже изготовить какую-нибудь поделку. Ремешок

там, сувенирчик какой-нибудь, типа фенечки ручной работы из тонких полосок кожи, или перчатки... Так что на обработке шкурок этот конвейер не заканчивался. Предстоял еще один этап, но его Ник отложил на завтра. Путь «наверх» на мусорном транспортере занимал около часа, и за это время он вполне успеет изготовить десяток-другой поделок. С гибервиратором, который способен соединять без шва даже такие разнородные материалы, как ткань и стекло или металл и дерево, это было не такой уж сложной задачей. Гибервиратор, как и все используемое жителями Трущоб, был стар, почти не работал, но на тонкую кожу его оставшегося ресурса еще хватало. А двадцать крысиных тушек, которые Нику пришлось отдать за работу старику Гаму, он сейчас был способен добыть всего за две-три охоты. Сейчас... А ведь сначала добыча даже одной крысы была для него почти непреодолимой проблемой...

* * *

Язык Николай выучил довольно быстро. Ну не весь, конечно, но запомнить сотни три слов, благодаря которым он сумел начать вполне связно общаться с дюжиной личностей, ошивавшихся в радиусе километра от той кучи мусора, на которой он очнулся, сумел дней за двадцать. Как и несложные правила сигарийского, явно испытавшего на себе упрощающее воздействие Сети. На Земле такое воздействие интернета уже стало вполне заметным, а что уж говорить о Сигари, на которой Сеть существовала уже почти столетие... Нет, связный разговор у него начал получаться только месяца через три, но строить фразы типа: «Еда. Греть» или, там, «одежда. Ходить»

он начал уже дней через семь. А через двадцать набрал такой объем слов и понятий, который практически полностью перекрыл все его потребности. Как выяснилось, их у него не так уж и много. Ну, в смысле, насущных. Пожрать вовремя да поспать, чтоб никто не прирезал. Хотя последнего поначалу можно было не особенно опасаться. Просто так в Трущобах не резали никого. Только по делу. А по делу Колю пока было резать не за что. Ну не было у него ничего, за что стоило бы подрезать человека. Так что ему, можно сказать, повезло с тем, что он попал в Трущобы голым и босым. Иначе он мог бы и не очнуться. А так... ну кому нужно голое тело?

В то же время никто здесь, в Трущобах, совершенно не собирался помогать этому телу выжить. Сумеет — его счастье, а нет... Ну, на нет, как гласит старая русская пословица, и суда нет. Мучиться какими-то моральными проблемами по поводу безвременной гибели никому здесь не известного голого тела никто в Трущобах не собирался... Поэтому первые трое суток Коля провел совершенно голодным. Причем первые сутки — исключительно по собственной вине. Побрезговал...

На небольшую кучу мусора, от которого шел легкий запах чего-то съедобного, он наткнулся часа через три после того, как очнулся в этом совершенно непонятном месте. Есть уже хотелось. И сильно. Но рыться в мусоре ради еды? Он что, бомж? Так что около получаса Коля ходил вокруг этого места, не решаясь разрыть кучу и посмотреть, что это там так вкусно пахнет, но и не в силах совсем уйти от столь соблазнительного запаха. Несмотря на то что парень изо всех сил

убеждал себя, что дело вовсе не в запахе и что он вообще никогда в жизни не опустится до подобного... до тех самых пор, как трое мужиков, от которых он несколько часов назад и услышал те непонятные слова, не вынырнули откуда-то из сумрачной мути, являющейся здесь, как он это узнал много позже, белым днем, и не накинлись на мусорную кучу с возгласами, в которых явно звучала неподдельная радость. Ох, как же он потом проклинал себя за эту брезгливость...

* * *

Тщательно прибравшись и заперев в железный шкаф результаты своих трудов, Ник натянул вытащенную из ультразвукового очистителя одежду и вышел наружу.

— Ну что, идем?

Палера отозвался не сразу. Похоже, в ожидании Ника сигарет сжевал не менее шести порций «брера», так что поплыл он капитально. В Трущобах это было опасно. Вполне могли обокрасть и даже прибить: на Палере было немало того, чем любой трущобник с удовольствием бы поживился. Взять хотя бы штаны. Крепкие континентальные «фагро», даже с еще работающей подгонкой по фигуре и «личными» застегками, расстегнуть которые мог только хозяин. Но в этих конурах знали, что Палера — человек гра Агучо. А каждому в Трущобах было известно, что связываться с гра Агучо может только полный идиот. Даже если в качестве приза выступают такие отличные штаны...

— Идем, белый, идем. Гра уже тебя заждался.

Ник только поджал губы и молча двинулся вперед.

* * *

До конур гра Агучо они добрались через полчаса. Сам гра занимал восемь конур в самом центре поселения, попасть в которые можно только пройдя сквозь два ряда расположенных по периметру жилищ. Первый ряд занимали обычные жители поселения, а во втором, поближе к центру, селились исключительно прихлебалы гра.

— Привет, Ник, привет, мальчик мой, — радушно поприветствовал его гра. — Рад, что ты нашел время заглянуть ко мне. Как твои дела? Как здоровье? Мне рассказывают, что ты по-прежнему охотишься на крыс в одиночку. Ты смелый мальчик, но глупый, глупый... Ты давно уже мог бы оставить это опасное занятие, если бы последовал советам старого гра. — Агучо скорчил печальную рожу и смежил свои маленькие свинячьи глазки. Он был толст и даже просто жирен. Но это там, где-то далеко, в другом, близком к небу и звездам мире, подобная фигура со свисающими с боков и живота складками жира смотрелась бы отвратительно обрюзгшей. Для обитателей же Трущоб она означала только одно: гра может есть когда захочет и сколько захочет. Причем даже не есть, а жрать. И точка! А это для большинства обитателей Трущоб было просто несбыточной мечтой...

— Ну ладно, не стану мучить тебя своими стариковскими страхами. Будешь знакомиться с девочкой?

Ник молча кивнул, и гра указал ему на дверь смежной конуры.

Девчонка была симпатичной и очень молоденькой. По местным меркам — лет восемь... По земным — шестнадцать-семнадцать. Или просто так выглядела.

Впрочем, скорее всего, так и было на самом деле. Трущобы — не то место, в котором можно долго сохранять молодость и красоту. Хотя, может, она попала в Трущобы недавно... И еще она боялась. Сильно. Но на это Нику было наплевать. Здесь, в Трущобах, была полная свобода. Можно было все. И всем. Настолько, насколько каждый мог себе это позволить. То есть сделать что-то и не получить взамен ржавый заточенный гвоздь в бок или комок «серой плесени» в морду в тот момент, когда ты идешь каким-нибудь темным переулком. Интересно, если бы сюда засунуть всю ту толпу, которая там, на Родине, в Москве, так регулярно и остервенело, с поджогом фальшфейеров и драками с ОМОНОм, требовала свободы, долго бы они здесь протянули? Может, и долго. Даже, может быть, целый день...

— Знаешь, кто я? — поинтересовался Ник, присаживаясь рядом.

— Гра Агучо сказал, что придет партнер.

Ник молча кивнул и приказал:

— Встань.

Девчонка послушно встала.

— Пройдись... — Хм, неплохо. — Сними блузку и повернись... — Еще лучше. Попка орешком и такой славный «треугольник Микеланджело» чуть выше, на пояснице. Отличная фактура. Уж после почти года съемок Ник разобрался в этом достаточно хорошо.

— Наклонись и прогни спину... — И грудь неплохая. Для этого-то возраста, так и вообще супер. Что ж, значит, стоит согласиться...

— Что делать надо будет, знаешь?

Девчонка густо покраснела. Ох, и ни хрена ж себе! У нас в Трущобах еще

встречаются краснеющие девочки? Да что за нах?!

— Давно в Трущобах?

Девчонка бросила на него испуганный взгляд.

— Я... мне... мы... два месяца.

— И уже продалась? — удивился Ник.

— Я... у меня кончились деньги.

— И что?

Девчонка так удивленно воззрилась на него, что Ник невольно почувствовал себя идиотом. Ну да, конечно, а как же — надо же было спросить такую глупость! У человека кончились деньги, и он тут же согласился идти сниматься в подпольном порнофильме. Ведь девочку явно не били и вообще никак не прессовали. Взгляд не тот. И краснеет так миленько... Так что все понятно и естественно. Разве ж может быть по-другому? Ну не работать же? Что здесь за работа-то? Грязная и за гроши. И не тряпки же свои продавать? Они же красивые. И дорогие. Здесь за них точно цену не дадут. Да что там цену. Здесь за них не дадут и десятой части цены. Блузка-то явно из натуральных волокон — такая не меньше пяти сотен лотов стоит. И потом, если их продать — в чем ходить-то? В тех обносках, в которых местные ходят? Фи, как можно даже подумать такое! Лучше уж в порно сняться. Ник стиснул зубы. Да какое его дело-то...

— Значит, так. Съемки будут завтра, с утра. С вечера не ешь, а с утра сделай клизму. Ну да тебе все объяснят...

— А это... больно?

— Девственница? — еще больше удивился Ник.

Девчонка снова густо покраснела и буркнула:

— Нет.